

A person in a military uniform with a large backpack stands in a ruined city street, looking at a massive fire and smoke plume in the distance. The scene is set in a desolate, post-apocalyptic urban environment with damaged buildings and debris. The person is seen from behind, wearing a dark jacket and a large, multi-pocketed backpack. The street is littered with rubble and puddles, and a large, ornate metal door frame stands to the right. In the background, a massive plume of dark smoke and fire rises into the sky, suggesting a recent explosion or fire. The overall atmosphere is one of devastation and somber reflection.

TATIANA Osipova

Апрельская пыль

TATIANA Osipova

Апрельская пыль

«Автор»

2026

Osipova T.

Апрельская пыль / Т. Osipova — «Автор», 2026

Он пришёл из будущего, где воздух отравлен, а небо цвета пепла. Она жила в прошлом, где его звали Мерлин, её — Люба. Между ними — 14 дней до взрыва, который изменит всё. И дверь, которую нельзя открыть дважды. История о сталкере, полюбившем призрак. О брате, который через двадцать лет найдёт лишь гильзу от прошлого. Об учёном, решившем исправить историю и ставшем самым страшным мутантом Зоны.

© Osipova T., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 4 Рубеж	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

TATIANA Osipova

Апрельская пыль

Пролог

Дождь в Зоне был не водой, а жидкой тоской. Он стекал по рваному брезенту навеса, под которым сидел Мерлин – сталкер, умеющий отыскать любой артефакт. В его руках, привычных к тяжести оружия и холодному металлу находок, теплился синим светом «шар молний». Ценная добыча, но не она заставляла сердце биться с такой глухой тревогой. Впереди, посреди поля, поросшего мутировавшим бурьяном, стояла она. Дверь. Настоящая дубовая, с потёртой латунной ручкой, не прикреплённая ни к какой стене. Аномалия уровня «Вой», но без её характерного гула. Лишь тихая, звенящая в костях статика, будто само пространство затаило дыхание.

В наушнике хрипел голос. Сухой, безэмоциональный. Дьяк. Никита Павлович Дьяконов, учёный-теоретик из «Чистого неба». Его интересовали не столько артефакты, сколько сами разрывы реальности.

– Мерлин, доложите обстановку. Артефакт стабилен?

– Стабилен. Но здесь... объект. Дверь. Обычная, деревянная. Стоит одна.

В эфире повисла пауза, но Мерлин кожей почувствовал, как на том конце провода загорелись холодные, аналитические глаза учёного.

– Не приближайтесь. Координаты зафиксированы. Я выдвигаюсь с группой. Это может быть временной разлом. Любой контакт чреват непредсказуемыми последствиями.

Приказ рассыпался в шуме помех. Связь прервалась, и последние слова Дьяка потонули в шипении. Рука, будто ведомая чужим шёпотом, потянулась вперёд сама. Любопытство жгло изнутри, острое и неумолимое. Он подошёл ближе, ощущая под ногами хруст веток. Повернул тёплую, почти живую ручку. Дверь бесшумно поддалась, без скрипа.

Давление в ушах сменилось ватной невесомостью. Гнилостный запах Зоны – смесь озона, ржавчины и тлена – растворился, уступив место густому аромату нагретого асфальта, полыни и свежескошенной травы. Вместо гниющего поля – яркий, режущий глаза день. Солнце. Двор пятиэтажки, песочница, крики детей. Он стоял, ошеломлённый, в полном обмундировании, с противогазом на поясе и автоматом за спиной. Из открытого окна лилась песня «Машина времени» – горьковатые, ироничные строки о времени.

И он увидел её. Девушка в клетчатом пальто и вязаной шапке, из-под которой выбивались тёмные, непослушные пряди. В её руках, покрасневших от холода, болталась сетка с пустыми молочными бутылками. Она смотрела на него с озадаченной тревогой и нескрываемым изумлением.

– Ой! – вырвалось у неё, и это был чистый, звонкий звук, которого он не слышал годами.

– Вы... это у вас такой костюм? На съёмки фильма про войну? Или... – Её взгляд, тёплый и любопытный, скользнул по его грубому комбинезону, зацепился за противогаз. – Или вы с какого-то учения? С завода?

Он стоял на окраине тихого посёлка. На стенде у подъезда – плакат «Труд облагораживает человека!» с улыбающейся девушкой в косынке. Внизу – 1986 год. По спине Мерлина пробежал ледяной, отчётливый мороз.

– А сегодня какое число? – спросил он, не узнав собственного, хриплого от напряжения голоса.

– Двенадцатое апреля, – ответила она, и в её глазах плеснулось сочувствие, смешанное с настороженностью. – Вы, наверное, заблудились?

Мерлин не ответил. Воздух пах. По-настоящему. Выпечкой из ближайшей кухни, тополиными почками и... абсолютной, звенящей нормальностью. Тишиной «до». До того, как через две недели одно слово станет синонимом конца света.

– Мужчина, вы в порядке? – Её голос, мягкий и живой, вывел его из ступора. – Вы... с военных учений? – Она кивнула на его тактический жилет, на прибор на поясе. – Хотя... Тут и полигона рядом нет. Вы точно заблудились?

– Да, – хрипло отозвался он, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Она не знает. Никто здесь не знает. – Совсем заблудился.

– Меня Люба зовут, – представилась девушка, и её губы тронула осторожная, ободряющая улыбка. – Давайте я вас хоть чаем напою. Вы совсем промокли.

Так он вошёл в её мир. Мир, где за окном библиотеки, в которой она работала, лежал грязный, ноздреватый апрельский снег. Мир, где её десятилетний брат Серёжа мечтал о велосипеде к лету. Мир, где подруга Наташа жаловалась на скучного жениха Арсения, а сам Арсений, он же Сеня, ворчал на партию, но тихо, на кухне, за плотно прикрытой дверью. Мир, живущий в неведении. С отсчётом, который знал только он: 14 дней до взрыва.

Снаряжение он спрятал в старом, пахнущем грибной сыростью и мышинным помётом сарае на краю леса. Артефакт, «шар молний», пульсировал там ровным, убаюкивающим светом, будучи якорем, удерживающим дверь-калитку в покосившемся заборе. Он стал Мишей, «дембелем», который приехал к дальним родственникам. Служил в Афгане – отсюда, мол, молчаливость, заторможенность и странные взгляды.

– Перепутал адрес, – соврал он, отводя глаза. – Надо связаться с родственниками, а пока мне негде остановиться. Здесь рядом какая-нибудь гостиница?

– Гостиница? – Люба покачала головой, её тёплый взгляд скользнул по его лицу, остановился на грубой, но чистой клетчатой рубашке её отца, которую он теперь носил. – Какая тут гостиница? Разве что в Припяти.

Она помолчала, разглядывая его стоящую у стула сумку – всю его здешнюю «биографию» в одном узелке. Отец Любы уехал на север, на заработки. Она жила с тётей. Мама умерла давно. Решение созрело быстро, подсказанное искренним участием и какой-то беззащитностью, читавшейся в его напряжённой позе.

– Я у тёти Нины живу – я и брат Серёжа. А папина квартира пустует. – Она встретила его взгляд, и в её глазах не было ни жалости, а твёрдая, тихая решимость. – Поживите там, пока не свяжетесь с родными. Там всё есть.

Так он получил ключ. Не от квартиры – от кусочка её мира.

Люба стала его спасением и его пыткой. Она водила его по лесу, где земля под ногами упругая и влажная, а воздух звенел от предвкушения лета. Она находила первые подснежники, их хрупкие стебельки ломались в пальцах с тихим щелчком, и она вкладывала цветы ему в ладонь. Её рука в его ладони тёплая, живая точка отсчета, якорь в этом тихом, обречённом раю. Он влюблялся. В каждый её смех, от которого щемило под рёбрами. В каждую её наивную надежду на завтра, которое, как он знал, будет отравлено ядом, ещё не пролившимся в землю. Его цель кристаллизовалась, обрастая плотью холодного ужаса: спасти её. Вытащить отсюда до 26 апреля. Любой ценой.

Познакомился с Арсением. Сеней. Бывшем парнем Любы, чей тяжёлый, ревнивый взгляд всё ещё цеплялся за неё, будто клеймо. Он был высок, широк в плечах, его кулаки, лежавшие на столе, напоминали молоты. Он сразу невзлюбил «непонятого тихоню» Мишу.

Пришёл к тётке Нине, якобы розетку починить. Знал, что Люба с чужаком будут там. Вечером за столом, пропитанным запахом самогона и селёдки, Сеня налил, толкнул стопку через стол.

– Ты тут надолго? – голос его был глуховат, в нём вибрировала угроза. – А то Любка у меня девушка правильная, нечего ей с приبلудными связываться.

Люба молчала, глядя в тарелку, но её шея и щёки залились алым румянцем. Михаил чувствовал, как мышцы на его спине сами собой напряглись, готовые к рывку. Сеня – часть этой «нормальности». Часть мира, который он хочет для неё сохранить. И самая явная угроза прямо сейчас.

– Я уже не твоя девушка, Сеня, – тихо, но чётко сказала Люба, поднимая на него глаза. – И нечего тебе здесь указывать. Отец...

– Папа бы не одобрил, – с самодовольной, ухмыляющейся усмешкой Сеня поднял вверх указательный палец, будто ставя точку в споре.

Михаил медленно разжал пальцы под столом. Он мог бы сломать этому наглецу руку за секунду. Но не здесь. Не сейчас. Он встретил взгляд Арсения.

– Зачем пришёл? – его собственный голос прозвучал низко и спокойно, с той внутренней силой, которую он давно забыл скрывать. – Ты не у себя дома.

Сеня на мгновение опешил, отхлебнул из стопки. Его пьяный мозг медленно перерабатывал это.

– А ну, да... – кивнул он. – Забыл... – Его взгляд скользнул к Любе, к пустой стопке. – Так я что... Розетку делал. Тётка Нинка просила ещё и шкаф отремонтировать...

– Спасибо, Сеня, – голос Любы стал ледяным. Она посмотрела на Михаила. – Миша уже всё починил.

Наступила тягучая пауза. Сеня мотнул головой, будто сгоня назойливую муху.

– Ну и молодец, – пробормотал он неожиданно быстро, поднимаясь. – Тогда я пошёл.

Дверь захлопнулась с глухим стуком. В комнате повисло молчание, нарушаемое только тиканьем часов. Люба стояла, слегка дрожа. Потом её пальцы, лёгкие и прохладные, коснулись его плеча через грубую ткань рубашки. Он обернулся. Их взгляды встретились – в её глазах металась растерянность, благодарность и что-то ещё, трепетное и новое. Потом она приподнялась на цыпочки, и её губы, мягкие и пахнущие чаем, коснулись его. Это был не страстный поцелуй, а клятва, тихий ответ на немой вопрос. Ответ, что он здесь не чужой. И что она теперь под его защитой.

С десятилетним братом Любы отношения сложились, словно взрослый парень и мальчик знали друг друга давно. Мальчишка, сметливый и любопытный, сразу раскусил, что «дембель» – не просто тихоня, а человек с тайной. Он выследил его до старого сарая на выгоне, но не стал выдавать, просто сидел на завалинке и наблюдал.

– Ты шпион? – как-то прямо спросил он, когда Мерлин вышел, потягиваясь.

– Нет, – устало ответил тот. – Просто заблудившийся.

– А в том сарае что? Там твоя ракета?

Сталкер невольно усмехнулся. Он посмотрел на мальчишку: живые глаза, веснушки, пальцы в зелёнке после драки с хулиганами. В нём светилась та же неуёмная энергия, что и в Любе, но смешанная с мальчишеской дерзостью.

– Там всякий хлам. Хочешь посмотреть?

Так начались их встречи. Серёжа стал частым гостем в сарае. Мерлин, соблюдая осторожность, показывал ему безобидные артефакты: «камушек», который теплился в руках («Это батарейка!» – решил Серёжа), обрывок карты на непонятной ткани («Секретная!»). Мальчик был в восторге. Для него Миша-Мерлин стал воплощением приключений из книжек про путешественников.

Однажды Серёжа, помогая переключать ящики, нашёл гильзу. Не обычную, охотничью, а странную, от пистолета Стечкина, с зоны, со следами эрозии и едва заметной синей окалиной по краю.

– Ого! Гибридная! – ахнул он, пользуясь своим новым любимым словом от Миши. – Это с твоего корабля?

– С моего... корабля, – тихо согласился Михаил. Он взял гильзу, повертел в руках. Она холодная и тяжёлая. След выстрела, который он никогда не сделал, но всегда носил с собой на удачу. – Хочешь? Сделаем амулет.

Он нашёл крепкий шнурок, продел в гильзу, завязал надёжным сталкерским узлом. Повесил Серёже на шею.

– Носи. Это... оберег. От плохих снов и всякой нечисти. Только никому не показывай. Секретная технология.

Серёжа сиял. Он ощупывал гладкий металл, чувствуя его вес.

– А она что, защищает?

– Защищает, – серьёзно сказал Михаил, глядя ему в глаза. – Но помни: самая лучшая защита – это голова на плечах. Если что-то случится – беги, прячься и думай. Понял?

– Понял, капитан! – Серёжа вытянулся в шутилой стойке.

С той минуты гильза не покидала мальчика. Он спал с ней, ходил в школу, хвастался перед друзьями «настоящей гильзой от космического десанта», не вдаваясь в детали. Она стала его талисманом, физическая связь с таинственным миром, который принёс ему Мерлин. И с самим Мишей, который стал для него больше, чем просто странным другом сестры – стал героем, наставником, почти старшим братом.

Мотивы Дьяка раскрылись позже, у той самой калитки в заборе, что вела в никуда. Учёный пришёл не с группой, а один, в нелепом на фоне сельского пейзажа городском пальто. Но глаза его горели таким знакомым, нездоровым блеском, что Мерлин похолодел внутри. Он вздохнул с облегчением, что Любы нет рядом.

– Мерлин. Ты нашёл не просто разлом, – начал Дьяк, и его голос дрожал от сдержанной, лихорадочной страсти. – Здесь точка доступа до события. Ты понимаешь масштаб? Артефакт стабилизировал окно в прошлое. Мы можем не просто изучать. Мы можем предотвратить.

– Предотвратить? – Михаил почувствовал, как ледяная волна пробежала от копчика до затылка.

– Катастрофу. Взрыв, – Дьяк понизил голос до страстного шёпота. – Моя жена... она была инженером на той станции. Она погибла в первую ночь. Здесь, сейчас, она жива! Мы можем послать предупреждение. Изменить одну маленькую ночную смену. Спасти сотни тысяч жизней, целые города, будущее! – Он сделал шаг вперёд, и его пальцы судорожно сжались в воздухе. – Для этого нужно усилить сигнал артефакта, расширить портал! Чтобы провести через него информацию, технику, людей!

Мерлин смотрел на него, и в горле вставал ком. Дьяк не просто одержимый. Он был трагическим мессией, вывернутым наизнанку, желавшим исцелить историю, безжалостно разорвав её ткань. Его мотив на самом деле грандиозен, трагичен и чудовищно опасен.

Попытка спасти Любу провалилась немедленно и ужасающе. Он не выдержал и открыл ей часть правды – не про Зону, а про грядущий ад. Она слушала, бледнея, её пальцы вцепились в край стола.

– Миша, ты... Нет, так не бывает, – прошептала она, но в её глазах метались не просто сомнения, а животный страх. Не перед катастрофой, а перед его якобы безумием. Она вспомнила его «афганскую» легенду. – Зачем? Зачем тебе это?

– Я докажу. Пойдём со мной сейчас. Через калитку. Я покажу тебе будущее, откуда пришёл.

Он, сжимая её холодную ладонь, повёл девушку к сараю, к порталу, который открывался в присутствии артефакта. Но в трёх шагах от невидимой границы Люба вскрикнула – коротко, беззвучно. Её рука под его пальцами стала... невесомой. Сквозь кожу, будто сквозь туман, проступили контуры мышц, призрачные тени костей, а затем и трава под ногами. Он ощущал не плоть, а лишь странное, вибрирующее сопротивление, будто держал пучок света.

Глаза Любы расширились от немой, непонимающей боли. Одновременно вокруг них завихрился внезапный ветер, поднимая пыль столбом, а в ушах зазвенело тонко и пронзительно, как лопнувшая струна. «Шар молний» в его кармане взвыл нечеловеческим, визгливым сигналом.

Михаил не отшвырнул – он оторвал её руку от своей, с силой оттолкнув девушку от невидимой границы. Люба грузно упала на колючую, сухую траву, судорожно хватая ртом воздух. Но её рука, которую он теперь сжимал в своей, снова стала плотной, тёплой и реальной.

– Что... что это было? – выдохнула она, и в её голосе звенел чистый, детский ужас.

Он понял. Мгновенно и бесповоротно. Она – органичная часть этой временной линии. Её атомы, её жизнь вплетены в саму ткань апреля 1986-го. Портал, стабилизированный артефактом, мог пропускать чужеродный для этого времени объект – его самого, инородное тело. Но попытка вырвать собственный элемент ткани означала её разрыв. Пространство отторгало её, защищая целостность своего полотна. Попытка протащить Любу насильно привела бы либо к её стиранию здесь и сейчас, либо к коллапсу портала с высвобождением чудовищной энергии, способной устроить локальную катастрофу именно в этом месте и в это время. Спасти её, забрав с собой, оказалось физически невозможно. Законы времени к сожалению прочнее любого отчаяния.

В темноте за кустарником, цепляясь колючками за куртку, застыл Серёжа. Ему нравился Миша – тот говорил с ним как со взрослым, не сюсюкал. Но то, что он только что увидел и услышал, всколыхнуло в нём первобытный, животный ужас. «Он из будущего? Разве так бывает?» – вихрем пронеслось в детской голове. Мальчик, затаив дыхание, решил пока никому не рассказывать. Это была слишком большая и страшная тайна.

Финал наступил, когда Дьяк, исчерпав терпение, решил действовать силой. Он явился через калитку с двумя верными ему сталкерами в полном, чуждом этому миру обмундировании. Сумерки густели над посёлком. Чужаков, выходящих из ниоткуда, увидел Серёжа, как раз провожавший взглядом уходящих от сарая сестру и Михаила.

Мальчишка примчался домой, влетев в сени с криком: «Там пришельцы в скафандрах! Прямо из забора!». На его вопль сбежались мужики с соседних участков. Арсений, недолго думая, захватил отцовский обрез, хранившийся в гараже «для порядка». Схватив тяжёлое, холодное оружие, он повёл растерянную толпу «наводить порядок». С ним – двое соседей, один с отрезком ржавой арматуры, другой – здоровяк с ломом. Огнестрел был только у Сеньки.

Наташа, подруга Любы, видя, как Миша и Люба почти бегом двинулись к сараю, а Серёжа несётся с противоположной стороны с перекошенным лицом, не растерялась. Она не любила заносчивого Сеню и всей душой симпатизировала тихому, грустному Мише. Её помощь стала простым решением: она не стала ввязываться в драку. Вместо этого она метнулась к дому, где был телефон, и, вращая тяжёлый диск дрожащими пальцами, набрала 02, выпаливая в трубку про «диверсантов в масках, с оружием, у старого сарая». Этот звонок создал неотвратимый хронометраж для всей драмы.

У сарая уже пахло порохом. Кто-то из соседей, трясущимися руками, выстрелил из обреза в воздух – оглушительный хлопок разорвал вечернюю тишину. Один из сталкеров, приняв это за атаку, дал короткую, отрывистую очередь поверх голов – сухой, непривычный здесь треск автомата заставил всех инстинктивно пригнуться.

– Откуда это у тебя? – закричал Серёжа Сеньке, прижимаясь к стене сарая.

– От бати в гараже осталось, – сквозь зубы процедил Арсений, прижимаясь к земле.

– Ты иди, нечего тут делать, – тихо, но жёстко проговорил он мальчишке. – И Любке скажи уходить. А то пуля шальная...

Но поздно. Нарастающий хаос остановить невозможно уже. Крики «Война!», «Своих бьют!». Михаил, услышав выстрелы, рванулся к сараю, куда чуть раньше успела забежать Люба.

У покосившейся постройки столкнулись два мира, два понимания реальности. Сеня, увидев Любу в дверном проёме, а рядом – Мишу, взревел, и его голос сорвался на визгливую ноту:

– Любка, ко мне! Это всё он, твой умник, подстроил!

– Сеня, нет! – закричала Люба, но её голос потонул в новом стрёкоте оружия.

Из обреза, который выхватил из рук ошеломлённого Сени сосед, грянул второй выстрел. Дрогнувший от страха мужчина палил опять в воздух. Один из сталкеров ответил очередью, пули со свистом врезались в стену дома напротив. Грохот оглушил.

Арсений, думая, что стреляют в Любу, вырвал своё ружьё обратно. Крикнул, не своим голосом: «Зачем палить?! У них вон... автоматы!». Он сжал обрез и побежал в сторону, куда унеслись Люба и Серёжа. К сараю, стоящему на окраине района.

Увидел свечение из постройки. Странное, пугающее. И пальнул, не целясь, желая лишь показать, что у него есть оружие. Влетел в сарай, задыхаясь от бега. Пот заливал глаза. Увидел Любу, Мишку и этого странного незнакомца. Тот смеялся. Сенька дёрнулся, пальцы соскользнули с цевья, и ружьё рывкнуло. Дробь ударила в косяк двери, сбив труху гнилого дерева. Люба вскрикнула – что-то мелкое и горячее полоснуло её по щеке.

– Стоять! – гаркнул Мерлин, перехватывая ствол и задирая его к потолку.

Дьяк даже не вздрогнул. Он смотрел на Любу, на алеющую полосу, расцветающую на её щеке, и молчал.

Арсений попытался вырвать обрез из тисков Мерлина, а тот, не разжимая пальцев, бросил быстрый взгляд на лицо Любы и скрипнул зубами:

– Себя бы так не зацепил.

Сенька начал вырывать обрез из рук противника. Кидал испуганный взгляд в сторону Любы, видя кровь на её бледной коже. Хотел перехватить оружие и прикончить Мишку. Очередь из автомата Калашникова Дьяка стала ответом сталкера на сопротивление. Пули прошли сквозь ноги Арсения. Тот рухнул с душераздирающим криком.

В этой какофонии криков, боли и пороховой вони Дьяк, не обращая ни малейшего внимания на раненого, бросился к Михаилу, к тёмному проёму сарая, где лежал артефакт.

– Мерлин! Артефакт! Он нужен мне сейчас!

В сарае, в клубах взметнувшейся едкой пыли и горького дыма, Михаил обернулся к Любе. Она прижимала к рассечённой щеке ладонь, и алая кровь сочилась сквозь её пальцы, капая на пол. Её глаза, огромные от шока и боли, смотрели на него, и в них читался уже не просто испуг, а глубокая, экзистенциальная потерянности.

Слёзы, смешиваясь с кровью, текли по её подбородку, но она не отводила взгляда от него, сквозь водяную пелену видя только его лицо.

В сарае, густо пропахшем пылью, порохом и теперь ещё медным страхом, застыл Дьяк. Его дыхание было рычащее, тяжёлое, а глаза горели не разумом, а одержимостью.

– Глупец! – крик учёного сорвался, хриплый и надтреснутый. – Из-за твоей сентиментальности мы теряем единственный шанс! Артефакт! Он нужен, чтобы усилить передачу! Мы должны отправить сигнал на станцию сейчас!

Михаил, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле, шагнул вперёд, заслонив собой ящик в углу.

– Ты откроешь не канал, а дыру в реальности! – его голос звучал ниже, но твёрже, глубже грохота снаружи. – Ты убьёшь всех здесь, включая свою жену, ещё до того, как начнётся та смена!

Люба, прижавшись спиной к шершавой, холодной стене, смотрела на них обоих. В её глазах металась тень: страх перед окровавленным безумием Дьяка и последняя, хрупкая надежда на того, кто стоял перед ней. Правда была где-то между этими двумя пропастями, и её дно терялось во мраке.

Михаил обернулся к ней. Всего на секунду. В её взгляде, полном ужаса и слёз, он увидел это – доверие. То самое, что она подарила тихому Мише. Не сталкеру Мерлину.

– Я не могу взять тебя с собой, – прошептал он, и каждое слово было похоже на порез изнутри. – Но я могу спасти тебя здесь. Оставить тебе твоё небо. Твой воздух. Твоё завтра. Даже если оно будет горьким.

Он резко развернулся, его пальцы, знакомые с любым замком и механизмом, нашли скрытую защёлку ящика. Крышка отскочила с глухим стуком. Внутри, в грубой обивке, лежал «шар молний». Он схватил его. Артефакт, обычно лишь тёплый, сейчас жёг ладонь, как раскалённый уголь, пульсируя в такт его собственному бешеному сердцебиению.

– Что ты делаешь?! – рёв Дьяка наполнился животным ужасом. Учёный бросился вперёд, его пальцы тянулись к артефакту.

Но Михаил уже заносил руку. Не для броска в учёного. Для удара о землю. О сырой, реальный бетон этого времени.

– Закрываю дверь. Навсегда.

Сфера, описав короткую сияющую дугу, ударилась об пол.

Раздался не взрыв, словно вздох этого мира. Глухой, всасывающий звук, после которого наступила абсолютная, давящая тишина. Свет не вспыхнул – он схлопнулся внутрь точки удара, оставляя за собой быстро расширяющуюся тень, которая пожирала краски, звуки, вещество. Дьяк, замерший в прыжке, начал расплываться, как акварель под струёй воды. Его контуры поплыли, смешались с древесной фактурой стен. Доски сарая замерцали, стали прозрачными, обнажая скелет из балок, а за ними – мерцающее, искажённое поле Зоны.

Михаил видел Любу. Она рванулась к нему, преодолевая оцепенение. Её рука, ещё в пятнах крови, протянулась сквозь сгущающуюся, дрожащую пелену. Губы любимой кричали его имя. Но звука не было слышно. Лишь нарастающий звон в ушах и ледяной холод, ползущий от ног к сердцу.

Он сделал шаг назад. Не поворачиваясь. Его взгляд прикован к ней. В её глазах – прощание, паника, любовь и вечное непонимание. В его – вся боль знания. Он видел её будущее: защитные экраны из свинца, горький привкус таблеток, тихий ужас в глазах её детей, шрам на щеке, который она будет прятать. Но он видел и жизнь. Настоящую. Её жизнь.

Ещё шаг. Пяткой он нащупал край. Не калитки. Пустоты. Порога между мирами. За спиной уже гудел знакомый, ядовитый ветер Зоны, пахло озоном и тленом.

Их взгляды скрестились в последний раз. Он позволил себе упасть. Не шагнуть. Упасть назад, в свою бездну.

-

Его вырвало в холодную, мокрую ночь. Он лежал на спине, впиваясь пальцами в липкую от кислотного дождя землю. На месте, где секунду назад мерцал портал, теперь дымилась бесформенная груда – сплавленное в единый ком стекло, металл и камень. Портал мёртв. Дьяк, его теория, его боль – стёрты из этой реальности.

Всё тело ломило, будто его пропустили через гигантские жернова. Он с трудом поднял руку. Ладонь была чистой – ни ожога, ни следа от артефакта. Но в кулаке, стиснутом так, что ногти впились в кожу, он чувствовал хрупкую тяжесть. Разжал пальцы.

Там лежал подснежник. Маленький, нежный, с белым, уже чуть помятым ударом венчиком и зелёным, сочным стебельком. Он пах. Пах апрельской лесной сыростью, талым снегом и жизнью. Так, как не пахло ничего в Зоне никогда.

Он медленно поднялся на колени, зажав цветок в ладони, чувствуя, как его хрупкая прохлада жжёт кожу живее любого ожога. Он остался один. Со знанием, которое теперь стало единственным его грузом. Он спас не мир. Он спас её мир. И теперь ему предстояло нести свою ношу в мире, где не пахло полынью, а небо не было безоблачно-синим.

Рация на груди хрипло ожила, вырывая из оцепенения.

– Мерлин, на вышке движение. – Голос в динамике низкий, хриплый, лишённый всяких интонаций. Позывной – Серый. Командир их временного отряда.

– На связи. Понял, – автоматом ответил Мерлин, всё ещё чувствуя во рту привкус пыли и крови из другого времени.

Он поднял голову. На склоне, чуть выше, стояла фигура в экипировке, покрытой слоями грязи и непонятных подтёков. Командир. Он не пользовался биноклем – просто стоял неподвижно, будто сканируя пространство не глазами, а кожей, спиной к отряду. Говорили, он пришёл из самых глубинных аномалий, где время течёт криво и сбивчиво. Его лицо обычно скрывал поднятый воротник и глубокие тени, но порыв ветра на миг откинул полу плаща.

И Мерлин увидел. На шее командира, поверх потёртого бронежилета, на грязном, истрёпанном шнурке висела гильза. Не простая. Странная, с характерными следами синей окалины, знакомой до мурашек. Та самая гильза. Которую он, Миша, когда-то подарил десятилетнему Серёже, брату Любы, в том далёком, пахнущем полынью апреле. Сказал тогда, вкладывая в маленькую ладонь: «Носи. Оберег».

Ледяная волна прокатилась от пяток до макушки. Время сжалось в точку, пронзившую грудину. Мерлин встал, не чувствуя под собой ног, и сделал шаг в сторону склона.

– Серёжа? – его голос сорвался, превратившись в хриплый, почти беззвучный выдох, затерянный в ветре.

Фигура на склоне замерла. Потом медленно, с едва слышным скрипом амуниции, обернулась. Командир Серый смотрел на него. Лицо было изрыто шрамами и старыми ожогами, но глаза... Васильковые, ясные глаза, теперь окружённые сеткой морщин, в которых застыли боль и невыносимая усталость. В них не было ни удивления, ни вопроса. Лишь бездонное, знакомое до боли понимание и тот самый немой укор, который Мерлин читал в последнем взгляде Любы.

Командир молчал. Лишь едва заметное движение века – миг, тень, жест – дало понять, что разговор окончен. Сейчас. Он резко, по-военному, дёрнул головой в сторону темнеющей вышки – безмолвный, не терпящий возражений приказ. И отвернулся, снова растворяясь в сумеречном пейзаже Зоны, становясь его частью.

Но этого было мало. Слишком мало. Ответ висел в воздухе, тяжелее свинца, гуще радиационного тумана. Да. Я тот самый. И мы поговорим. Когда-нибудь. А пока – охота продолжается.

Серый заговорил с Мерлином позже, когда они остались наедине у потрескивающего, чадающего смолистым дымом костра. В его глазах теперь не было того камня укора – лишь глубокая, выжженная тоска по тому, что навсегда осталось по ту сторону.

– Когда появился тот учёный, я по-дурацки счёл это приключением, – горько, беззвучно усмехнулся Серый, не глядя на огонь. – Видел, как сестра и Миша куда-то спешат к сараю. Потом заметил незнакомца в странном комбинезоне... Он выглядел даже «круче» тебя. Так мне тогда, пацану, казалось. – Он замолчал, пальцы сами потянулись к гильзе на груди, обхватывая холодный металл. – Меня вело любопытство. И чувство, что моему взрослому другу, моему герою, грозит беда. Я побежал следом. Спрятался в кустах у забора. А потом... испугался по-настоящему. И закричал. Решил, что это точно пришельцы пришли забрать тебя и Любу. Помню, как появился Сеня с ружьём, слышал крики. Сердце колотилось так, что в висках стучало. – Его пальцы сжали гильзу крепче, суставы побелели. – «Оберег. Защищает». Думал тогда. Как и сейчас.

Он говорил монотонно, будто зачитывал чужой, заученный доклад, но каждое слово было налито свинцом.

– Потом всё пошло как в плохом сне. Грохот выстрела Сени. Крик сестры... Я не выдержал. Выскочил из укрытия и побежал к сараю. В этот момент гильза – зацепилась за сук. Колючий, мерзкий сук. Шнурок – порвался. А я и не заметил. Вбежал в дверь как раз тогда, когда ты швырял этот «шар» на пол. Видел, как тот незнакомец начинает расплываться. Видел, как сестра тянет к тебе руки. Видел вспышку... Я кричал. Звал тебя.

Он замолчал, глотнув воздух, будто ему снова не хватало дыхания в том сарае.

– «МИША!» – закричал я что есть мочи.

И в этот миг взгляд упал на пол. Рядом с моими кедами, в пыли и осколках, лежала она. Та самая гильза на обрывке шнура. Как она оказалась там? Тускло блестела в этом странном свете. Я нагнулся, чтобы схватить её, протянул руку...

Но ты уже делал шаг назад. В клубящуюся тьму. Вихрь... он рванул с пола всё. Пыль, щепки. И гильзу. Я успел лишь коснуться её пальцами. Кончиками. Потом она исчезла – её подхватило и унесло в самую середину вихря. Туда, куда исчез ты.

Он разжал кулак, смотря на пустую, исчерченную шрамами ладонь.

– Я зажал в кулаке только воздух. Портал захлопнулся. В сарае стояла тишина. Гробовая. Пахло гарью и... озоном. Люба плакала, прижимая окровавленную ладонь к лицу. А у меня на шее... остался только красный, жгучий след от шнура. Потом я нашёл его... Но гильза исчезла.

Она будто растворилась. Её унесло в другое время, в другую реальность. Подарок. Оберег. Символ единственной дружбы, что была у него по-настоящему. Всё, что связывало его с тем единственным взрослым, кто не сюсюкал, а разговаривал с ним на равных.

Он не плакал тогда. Стоял, сжимая в руке пустой, липкий от пота шнурок, и смотрел на то место, где только что мерцала дверь в иные миры. В его детских глазах в тот миг что-то перегорело и погасло навсегда. Осталась ледяная, сосущая пустота под рёбрами. И тихая, недетская клятва, которую он дал сам себе, глядя в эту пустоту: найти. Во что бы то ни стало. Найти тот мир. Найти дверь. Или пробить свою.

Именно эта пустота на шее и этот ледяной огонь в груди привели его, десять лет спустя, в Зону. Временная воронка выплюнула его, уже не мальчика, но ещё не мужчину, на радиоактивный пепел будущего. Он искал не сестру. Не прошлое. Он искал гильзу. А вместе с ней – и ответ. И стал тем, кого стали бояться даже аномалии: сталкером Серым. Командиром. Для которого Зона стала не проклятием, а единственным местом, где могла таиться разгадка.

– Очнулся здесь. Но не тогда. В 2010-м. Через двадцать четыре года. Для меня прошло мгновение. Мне было уже двадцать. Выжил чудом. Потом... Зона стала домом. Она всё стерла и выстроила заново. Научила ходить, дышать, убивать. – Он снова коснулся гильзы. – Нашёл это... год спустя. У аномалии «Эхо». Случайность? Или...

Он поднял на Мерлина свои стальные, бездонные глаза.

– Ты спас Любу от мгновенной смерти тогда. И обрёл на медленную смерть здесь, в моей душе. И на жизнь с тем, кого не любила, из чувства долга. Зачем ты вернулся, Миша? Чтобы увидеть, во что превратился мальчик, которого оставил?

Мерлин встретил его взгляд. Не опустил своего.

– Чтобы попросить прощения. И чтобы найти Дьяка. Он не исчез тогда. Он был выброшен во времени, как ты. Но он ищет способ открыть дверь снова. Любой ценой. Ему нужен новый артефакт. Или... живой якорь. Тот, кто был в той точке. В той временной линии.

Командир Серый долго смотрел на него. Потом медленно, тяжело кивнул. В его взгляде что-то дрогнуло и отступило. Не прощение. Не забвение. Но – понимание. Признание общей судьбы. Теперь их связала не память о свете, а этот долг перед тьмой. Общая вина. Общая охота.

– Значит, будем охотиться, – беззвучно, но чётко сказал командир, поднимаясь. Скрипнули ремни, тяжело вздохнула броня. – Вместе. Потому что это наш общий грех. И наша общая Зона.

Они стояли у костра, два человека, исковерканных одной и той же дверью в прошлое. Два осколка одного разбитого времени. Дверь закрыта. Но её отражение – шрам на щеке незнакомой женщины, холод гильзы в зажатой ладони, тихая ярость в глазах командира – навсегда осталось с ними, стало их частью.

Серый перед уходом сжал в руке гильзу на шнурке. Коснулся пальцами того места на шее, где когда-то остался жгучий след. И, глядя в спину уходящему в ночь Мерлину, позволил себе едва уловимую, кривую улыбку. Не радостную. Признающую странность этой связи.

Мерлин, отойдя в сторону, разжал ладонь. Там, во внутреннем кармане, где когда-то лежал «шар молний», он нащупал рассыпавшийся прах. Не цветок. Не подснежник. Просто горсть сухой, безжизненной трухи, которая ещё секунду назад хранила в себе память об апрельском лесе. Теперь в том кармане лежали осколки двух миров, истлевшие и перемешанные.

И ему, сталкеру Мерлину, предстояло идти дальше – туда, где его ждал командир с гильзой на шее. Туда, где их ждала общая, невысказанная тайна, тяжелее любого артефакта Зоны. Дорога в тьму. Вместе.

Глава 1

Молчание перед штурмом

То, что было договорённостью у костра, к утру застыло в воздухе незыблемым фактом. Они шли. Не вместе – плечом к плечу, как делают напарники, а так, как идут по Зоне два одиноких хищника, случайно взявшие один след. Мерлин вёл, сверяясь с картой и показаниями прибора, который теперь молчал, как мёртвый. Серый шёл сзади, метрах в пяти, его шаги были бесшумны, а взгляд, казалось, сканировал не только кусты и развалины, но и спину Мерлина, словно выискивая в ней изъян. Молчание между ними застыло густым, звучным дыханием путников, наполненным невысказанными вопросами и грузом общего прошлого. Прерывал его только хрип рации да редкие, вымученные односложные реплики о пути: «Справа – „кипятильник“», «Обходим». Их союз сегодня хрупкое перемирие, скреплённое не доверием, а общей ненавистью к одной цели.

Слухи нашли их сами, на заброшенном кордоне «Чистого неба», где они попытались раздобыть боеприпасы. Дежурный сталкер, старый, с лицом, как высохшая глина, ковырял ложкой тушёнку и бурчал, не глядя на них:

– Лабораторию, говорите? Старую институтскую «Сатурн»? Забудьте. Там теперь не лаборатория. Там – гнездо.

– Мутанты? – уточнил Мерлин, чувствуя, как за его спиной замер Серый.

– Один мутант, – старик хмыкнул, выплевывая жир. – Да такой, что другим мутантам от него тошно. Раньше, слышь, человеком был. Учёным. А теперь... Он не жрёт, как прочие.

Он... коллекционирует. Разум. Знания. Людей, которые ещё помнят, как думать. Затянет к себе в паутину – и человек твой ходит, и дышит, и даже патроны заряжает. Только за глазами – пустота. Как будто изнутри всё выели. Контролёр. Даже имя есть – Паук.

Мерлин встретился взглядом с Серым. В васильковых, холодных глазах командира мелькнуло то же понимание. Дьяк. Не умер. Не исчез. Эволюционировал. Портал не выбросил его – он искажил, слил с самой тканью аномального поля. Учёный, желавший контролировать время, теперь стремился контролировать разум.

Их путь теперь вёл на северо-восток, в самую гущу аномальных формаций, в район, отмеченный на самых дерзких картах грифом «Мозговой Шторм». Говорили, там пространство болеет. Воздух висит тяжёлым, липким саваном, в котором рождаются не звуки, а идеи. Обрывки чужих мыслей, забытые страхи, обсессивные циклы безумия – всё это витает в пси-тумане, способном сломать неподготовленную психику за часы.

Они шли уже вторые сутки. Вечер второго дня застал их в полуразрушенной водонапорной башне на окраине зоны влияния «Шторма». Воздух и вправду изменился – он стал плотным, сладковатым на вкус. В ушах стоял неслышимый гул, ощутимый скорее кожей, чем слухом. Серый, разбирая свой автомат в углу башни, вдруг спросил, не глядя на напарника. Его голос прозвучал глухо, будто проверяя прочность тишины между ними:

– Мерлин. Странный позывной. Для Зоны. Откуда?

Михаил, чистивший контакты на приборе, замер на секунду. Вопрос прозвучал не как вопрос, а скорее как попытка найти точку отсчёта в этом общем безумии. Он взглянул на Серого, на его молодое, искалеченное лицо с глазами старика. Этот мальчишка, ставший командиром, тоже заслуживал какого-то знака. Не дружбы. Признания.

– Не из Зоны, – наконец сказал Мерлин, откладывая прибор. – Из Украины. Там это было не позывным. Скорее – кличкой.

Он помолчал, собираясь с мыслями, глядя в потрескавшуюся стену, за которой гудел пси-туман.

– Был у нас один рейд. Засада в посёлке, зажали в тупике у кирпичной стены. Пули свистели, ребята падали. Командир убит, радист ранен. Казалось – всё, конец. А я сижу, прижавшись к этой пыльной стене, и вижу перед глазами... не карту, не схему прорыва. Вижу отчётливо, как будто наяву: все траектории. Каждую щель в стене, каждую бойницу, откуда бьют, каждую тень, где можно проскочить. Все возможные пути. И самый безумный из них – единственный живой. Как будто кто-то прочертил его в моей голове серебряной нитью. Я тогда даже не командовал – просто рванул по этой линии. Остальные, кто мог, – за мной. Вышли. Чудом.

Он выдохнул, растирая переносицу, будто и сейчас чувствуя ту пыль в горле.

– Потом ребята говорили: «Да ты, Мишка, как тот волшебник, Мерлин, пути из камня добываешь». Сначала шутя. Потом это прилипло. А в Зоне... – Мерлин кивнул в сторону темнеющих окон, за которыми была аномалия. – Здесь тоже нужно видеть пути там, где их нет. Видеть узоры в хаосе. Находить выход в тупике. Имя оказалось... подходящим.

Серый слушал, не перебивая, его пальцы замерли на затворе.

– Значит, ты и тут путь ищешь, – тихо констатировал он. Не вопрос. Констатация.

– Ищу, – коротко подтвердил Мерлин. – Но иногда все пути ведут только в одну точку. Как сейчас.

Серый кивнул, снова погрузившись в чистку оружия. Молчание снова повисло между ними, но теперь оно было другого качества – менее враждебное, более тяжёлое, общее. После паузы командир сказал уже о другом:

– Ты понимаешь, на что идёшь? Он не просто будет стрелять. Он будет лезть в голову. Искать слабое место. Твоё... слабое место.

– Знаю, – коротко бросил Мерлин, протирая линзы прибора ночного видения. – У тебя есть план или только прогнозы?

– План один, – Серый поднял глаза. В них нет страха, лишь холодная, отточенная решимость. – Не думать. Действовать. Мысли – это петля, которую он набросит. В его царстве нужно быть пустым. Как патрон. Им движет только импульс к цели.

– Легко сказать, – проворчал Мерлин, но в душе знал, что командир прав. Дьяк всегда играл на их чувствах. Теперь его оружием станут их же воспоминания, их вина, их тоска.

– Я буду прикрывать твой тыл, – сказал Серый неожиданно просто. – Если начнёт... доставать из тебя твоё прошлое. Я выведу. Любым способом. Даже если придётся дать пощёчину. Договорились?

Это было самым долгим и человечным предложением, которое Мерлин слышал от него с момента встречи. Он кивнул.

– Договорились.

Ночью Мерлину приснился сон. Яркий, как вспышка. Он снова стоял в том дворе восемьдесят шестого года. Люба смеялась, протягивая ему подснежник. Но когда он пытался взять цветок, тот рассыпался у него в пальцах не в пыль, а в рой мелких, металлических жучков, которые тут же разлетелись, складываясь в воздухе в знакомые формулы и чертежи. Из окна дома доносился не смех, а голос Дьяка, настойчивый и ласковый одновременно: «Зачем сопротивляться, Мерлин? Ты же видишь – всё тленно. Всё превращается в данные. В память. Отдай мне свою память, и ты перестанешь страдать...»

Мерлин проснулся с внезапным, сухим кашлем. Во рту стоял привкус меди и статики. Он встретился взглядом с Серым, который не спал, сидя у узкой бойницы. Командир молча указал пальцем на свой висок, потом на Мерлина. Он уже здесь. Он пробует нас на вкус.

Рассвет застал их уже на ногах. Впереди, в разрыве тумана, виднелись корпуса старого научного института «Сатурн». Здание оплыло, как свеча, его бетонные стены покрылись странным, перламутровым налётом, похожим на паутину. Вокруг не видно ни птиц, ни мутантов. Лишь тишина, давящая и внимательная. И чувство, что за каждым окном, в каждой чёрной дыре подъезда, на них смотрит один и тот же, огромный, всевидящий глаз.

Серый на последнем привале протянул Мерлину две таблетки тусклого свинцового цвета и шприц-тюбик с мутной жидкостью.

– Пси-блокатор. Кустарный, с «Варгана». Надолго не хватит, часа на три-четыре. И нейрошок, – он кивнул на тюбик. – Если поймёшь, что тебя уже не отпустит. Укол в бедро собьёт всё, включая сознание. Я выташу.

– Весёлые аптечки у вас тут, – беззвучно усмехнулся Мерлин, принимая и то, и другое.

– Весёлое место, – без эмоций парировал Серый. Он встал, поправил гильзу на шее, будто проверяя оберег. – Пора. Он ждёт. Чувствую.

Они выдвинулись. Шли не спеша, от укрытия к укрытию, но с каждым шагом давление в воздухе нарастало. В ушах начинало звенеть уже не от гула, а от шёпота. Обрывки фраз, обрывки мелодий, голос Любы, смех Серёжи, того из прошлого, скрип двери сарая... Мозг атаковали призраки, пытаясь найти брешь.

У самого подножия института, заросшего аномальной слизью, Мерлин остановился. Главный вход завален, но чёрная, словно высохшая кровь, дыра вела в полуразрушенный подвал. Оттуда тянуло холодом и запахом меди. Это было логово. Гнездо Паука.

Серый присел на корточки, осматривая грунт. Нашёл то, что искал: едва заметный, идеально круглый след. Не ноги. Не лапы. Словно кто-то ввинчивал в землю тяжёлый, острый шест.

– Он уже не ходит, – тихо констатировал командир. – Парит. Или ползёт. Готовься. Сейчас он узнает, что гости пришли.

Как будто в ответ на его слова, тяжёлый, сладкий голос пророс прямо у них в головах, обходя уши, впиваясь прямо в сознание. Голос Дьяка, но искажённый, наложенный на себя тысячу раз, как эхо в бесконечном коридоре:

«Мерлин... Сергей... Как я рад. Я собирал пазл ваших душ так долго. Не хватало главных фрагментов. ЖИВЫХ фрагментов. Входите. Принесите мне свою боль. Я сделаю из неё... вечность».

Дверь во вчера была захлопнута. Но новая дверь, ведущая в кошмар наяву, только что распахнулась перед ними. Взведя затворы, два сталкера шагнули в пасть института «Сатурн». Навстречу бывшему человеку, который решил стать богом в аду собственного создания.

Глава 2

Исповедь Паука

Институт «Сатурн» был не зданием. Он застыл воплощённым разложением мысли. Бетонные стены не просто осыпались – они текли, словно воск, образуя странные, напоминающие извилины мозга, барельефы. Воздух загустел от запаха озона, статики и чего-то сладковато-гнилостного. И повсюду, будто иней на мертвеце, лежала та самая перламутровая паутина. Она висела в углах, тянулась по потолку, и при свете фонарей в ней мерцали не капли, а целые кадры чужих воспоминаний: обрывки лиц, вспышки аварийных сигналов, детские рисунки.

Шёпот в головах превратился в навязчивый хор. Теперь голоса казались различимыми.

«...проверь замок, проверь ещё раз, а вдруг не закрыл, вдруг она выйдет и...»

«...вот эта формула, она была верной, я уверен, это я подписал, это я виноват, надо всё пересчитать...»

«...Миша, не уходи, Миша, посмотри на меня...»

Последний голос заставил Мерлина вздрогнуть, как от удара током. Он стиснул зубы, чувствуя, как холодный пот стекает по спине.

– Блокиратор, – сквозь зубы процедил Серый, уже доставая свой шприц. – Сейчас. Не слушай.

Но «не слушать» невозможно. Голоса роились под черепом, как осы.

Мерлин и Серый продвигались по главному коридору, ведущему в сердце комплекса – в бывший реакторный зал. Именно оттуда исходил эпицентр пси-поля. По пути они встречали «жителей». Людей. Вернее, то, что от них осталось. Они медленно двигались по своим маршрутам: один бесконечно протирал стекло несуществующего прибора, другой чертил на стене мелом одни и те же стрелки, третий, прижавшись ухом к паутине, что-то бубнил, улыбаясь пустой улыбкой. Их глаза светились молочно-мутным сиянием, в них не отражался свет фонарей. Опустошённые. Коллекция Контролёра.

– Не смотреть в глаза, – прошептал Серый, но Мерлин на секунду встретился взглядом с женщиной, что чертила стрелки. И в голову ударило: *«Лево, право, прямо, к выходу, нет, это ловушка, лево, право, к нему, надо к нему...»* Цикл. Чужой, но заразительный. Мерлин с силой, отшатнувшись, тряхнул головой.

Дверь в реакторный зал представляла собой нечто чудовищное. Её оплетала паутина так плотно, что напоминала кокон. И в центре этого клубка, словно в паучьей кладке, пульсировало слабое, больное сияние, знакомое до боли. Эхо «шара молний».

– Он здесь, – сказал Мерлин, и его голос прозвучал чужим.

Паутина на двери расступилась сама собой, бесшумно, будто гигантские веки. Сталкеры вошли.

Зал преобразился до неузнаваемости. Оборудование давно срослось с биомассой паутины, образуя странные органоподобные структуры. В центре, на месте реактора теперь зияла чёрная, мерцающая сфера неподвижности – локальная аномалия, прототип нового портала. А

вокруг неё, подобно нервным узлам, были подвешены в паутине десятки «опустошённых», их плоть служила живыми батареями, источниками психической энергии.

И над всем этим парил Он.

Дьяк. И не Дьяк. Его тело, обтянутое бледной, почти прозрачной кожей, без чётких контуров. Оно плавно переходило в тяжёлые, шелковистые нити паутины, которыми оплетался весь зал. Лицо... Лицо ещё хранило черты Никиты Павловича, но было искажено неестественным спокойствием и странной, скорбной добротой. Его глаза, огромные и тёмные, отражали не зал, а бесконечные цепочки бегущих данных, формул, кадров прошлого.

«Мерлин. Сергей. Я ждал. Проходите. Не бойтесь. Я не причиню вам вреда. Мне... нужно поговорить. Объясниться».

Голос звучал не в ушах, а прямо в костях, мягко и убедительно.

Сергей молча вскинул автомат. Мерлин схватил его за цевье.

– Подожди.

– Он в твою голову лезет, дурак! – прошипел командир.

– А в твою нет? – отрезал Мерлин, глядя на Дьяка. – Он мог нас убить, как только мы вошли. Этих... – он кивнул на зомби, – мог натравить. Но не стал. Послушаем. Узнаем, что ему нужно.

Это был тактический расчёт, пересиливший ненависть. Чтобы победить врага, нужно понять его цель.

«Разумно, Мерлин. Ты всегда рационален. Садись. Отдохни. Твой друг может не опускать оружие. Я понимаю».

С пола, из массы паутины, бесшумно выросли два подобия кресла. Мерлин, не отпуская винтовки, медленно опустился на одно. Серый остался стоять, прицел не дрогнул.

И Дьяк начал рассказывать. Его «голос» тянулся тихим, насыщенным отголоском неподдельной, страдальческой искренности.

«Ты прав, Мерлин. Я не умер. Когда ты уничтожил артефакт, портал... не закрылся правильно. Он схлопнулся. И выбросил меня не в точку, а в сам поток времени. В самую его плоть. Я плыл по течению распадающихся событий, я видел, как рассыпаются причинно-следственные связи... Я видел её, свою Лену, тысячу раз. И тысячу раз не мог крикнуть, предупредить. Это был ад. А потом... меня вынесло сюда. В эпицентр старой, забытой аномалии, питавшейся психической энергией. Мы... нашли друг друга. Я дал ей форму – форму мысли. Она дала мне силу – силу воплощать мысль. Я не стал мутантом. Я стал... зрителем. Архивариусом падающего мира».

Он сделал паузу, и в зале проплыли призрачные образы: чертежи Припяти, лица ликвидаторов, плачущая женщина – его жена.

«Я не хочу боли. Я хочу порядка. В хаосе Зоны, в хаосе времени. Все эти люди... – он кивнул на висящие в паутине тела, – они страдали. Их разум грызли их же демоны. Я освободил их. Забрал боль, страх, навязчивые циклы. Оставил только тишину. Они счастливы в своём покое. А их энергия... она питает надежду».

«Надежду?» – мысленно, не желая того, откликнулся Мерлин.

«На новую дверь, Мерлин. Совершенную. Ты был прав тогда – один артефакт, один «якорь» недостаточен. Нужна критическая масса. Энергия десятков сконцентрированных, очищенных сознаний. И... живой проводник. Тот, чья душа уже знакома со вкусом того апреля. Твоя душа. И душа мальчика, который там был. Вы – мои недостающие компоненты».

Тут Серый выстрелил. Короткая очередь, ударила прямо в голову Дьяка. Пули, замедлившись, как в густом мёде, зависли в сантиметрах от его виска, а затем упали на пол с тихим звоном. По паутине пробежала судорожная волна.

«Не надо, Сергей. Это бесполезно. Я не плоть. Я – идея. И моя идея – спасти её. Не только её. Всех. Исправить первую, главную трещину. Для этого мне нужен не просто портал в

прошлое. Мне нужен канал в само мгновение до. А для этого... мне необходимо ваше чистое, незамутнённое страхом воспоминание об этом мгновении. Ваша тоска. Ваша боль. Ваша вина. Отдайте её мне. Добровольно. И я сотру Чернобыль из истории. Вы оба получите то, что хотите: ты, Мерлин, – свою Любу в целом мире. Ты, Сергей, – своё детство, сестру, тот самый двор. Это не смерть. Это искупление».

Иллюзия выбора стала совершенством. Голос Дьяка звучал как голос спасителя. По стенам зала поплыли видения: Люба смеющаяся, без шрама на щеке; десятилетний Серёжа, бегущий по чистому двору с гильзой, болтающейся на шнурке, на шее; зелёный, неотравленный лес.

Искушение было чудовищным. Мерлин почувствовал, как воля вытекает из него, как вода из разбитого сосуда. Рядом Серый опустил автомат, его лицо окаменело, в глазах бушевала война.

– Нет... – с нечеловеческим усилием выдавил Мерлин. – Ты... не порядка хочешь. Ты хочешь контроля. Над всем. Ты заменил одну катастрофу другой. Ты не спасаешь – ты коллекционируешь. Как коллекционировал теории. Ты стал не богом. Ты стал самой совершенной аномалией.

«Печально. Я предлагал мир».

И «исповедь» кончилась. Мягкость испарилась из голоса Дьяка, остался только холодный, безличный гул энергии. Паутина в зале ожила, зашевелилась. «Опустошённые» на стенах застонали в унисон, и их энергия хлынула в чёрную сферу протопортала. Она ожила, в её глубине замелькали искры.

– ЯКОРЯ! – проревел голос Дьяка уже не в голове, а снаружи. Звук гулко разнёсся по залу. – ВЫ – МОИ ЖИВЫЕ ЯКОРЯ!

Из паутины у ног Мерлина и Серого выросли крепкие, стальные усики, обхватывая голени, впиваясь в плоть. Одновременно на них обрушился не шквал образов, а точечный удар. В мозг Мерлина вонзилась игла одной, бесконечно повторяющейся мысли: «ТЫ БРОСИЛ ЕЁ ТОГДА, ТЫ БРОСИШЬ И СЕЙЧАС, ОНА УМРЁТ, ОНА УМРЁТ ИЗ-ЗА ТЕБЯ». Цикл. Идеальный, выверенный, разъедающий.

Серый кричал, бился в паутине, пытаясь вырваться, его глаза наполнились ужасом: перед ним, прозрачным призраком, стоял он сам, десятилетний, и плакал, разжимая пустые пальцы: «Где гильза? Отдай! Ты всё потерял!»

Дьяк не атаковал. Он встраивал их самые страшные мысли в энергетический контур портала, используя их душевную боль как топливо и координату. Чёрная сфера росла, и в её глубине уже проступали знакомые очертания: покосившийся забор, крыша сарая... апрель 86-го.

Их общий крик – от боли и ярости – слился воедино. Они проигрывали. Силе. Безумию. Собственному прошлому.

Боль от пут и психический удар смешались, раскачивая сознание. И чтобы не сломаться, оно рвануло не вперёд, в иллюзию, а назад – к тому единственному якорю, что становился тяжелее любой боли. К моменту, когда он перестал быть Серёжей и навсегда стал Серым.

ВСПЫШКА. 1996 ГОД. ИЮЛЬ.

Ему уже двадцать. Он стоял на краю того самого леса, у покосившегося сарая. Не того, целого, из детства. От сарая остались лишь несколько обгоревших брёвен да груды шифера. Посёлок Кошаровка опустел давно – тихий, вымерший, заросший бурьяном в человеческий рост. Через десять лет после эвакуации он рискнул вернуться. Нелегально, конечно. Просто посмотреть. Может, найти что-то из прошлой жизни под рухнувшей печкой. У него за плечами уже жил Харьков, техникум, работа слесарем. Он стал взрослым. Но это место тянуло его, как незаживающая рана.

Он пришёл сюда именно в тот день – 12 июля. Безотчётно. Будто кто-то вёл. В кармане лежала дешёвая водка и пачка «Беломора». Он сел на ржавый каркас старой кровати, торчав-

ший из крапивы, и смотрел на место, где раньше стоял дом. Теперь там развалины. Ничего не чувствовал. Только огромную, сосущую пустоту. Ту самую, что образовалась в апреле 86-го, и которая так и не заполнилась.

Он полез в карман за сигаретами. Пальцы нащупали только пачку «Беломора» и холодный шкалик водки. Гильза. Он потерял её тогда, в апреле 86-го, и больше никогда не видел. Пустота внутри стала ещё острее. Он нуждался в этом амулете, подаренным тем Мишей, который пришёл из странного и пугающего будущего.

И тут воздух зазвенел. Тихо, тонко, как тогда. Серёжа вскочил, огляделся. Ничего. Только ветер качал верхушки бурьяна. Но звук нарастал, исходя как будто из самого центра пустоты в его груди. Он сделал шаг назад, и его пятка провалилась во что-то рыхлое.

Он оглянулся. Там, где только что застыла грудa кирпича, теперь мерцала калитка – единственное уцелевшее от сгоревшего строения. Та самая. Нездоровая, дрожащая, как мираж. Сквозь её доски проглядывало не поле, а какая-то густая, фиолетовая мгла. «Как тогда», – царапнуло в груди.

Сергей не испугался. В нём что-то щёлкнуло. Детская клятва, данная у этого места: «Найти. Во что бы то ни стало». Это та самая дверь. Его дверь.

Он, не раздумывая, шагнул вперёд и толкнул покосившуюся створку.

Его не вырвало. Его разорвало. Время, которое он украл своим возвращением, потребовало платы. Он не летел – его молотило в стиральной машине из осколков эпох. Мелькали лица из харьковского общежития, голос тёти Нины, плач Любы в сарае, рёв сирен 86-го, а затем – лишь рваные кадры ускоренного распада: как зарастали улицы, как рушились крыши, как в небе появились странные сполохи, а по полям поползли невиданные твари. Десять лет смерти мира промчались у него перед глазами за секунду.

ВСПЫШКА ГАСНЕТ. 2010 ГОД.

Он упал. Не упал – в него врезалась земля. Не земля – что-то холодное, волокнистое и влажное, отдававшее в ладони трупным зудом. Он лежал ничком на острых обломках бетона, уткнувшись лицом в лужу липкой, тёплой жижи, от которой в ноздри била химическая сладость, смешанная с запахом гниющих фруктов. Воздух не ударил в лёгкие – он влился, как сироп, едкий и обжигающий, заставляя содрогнуться каждую альвеолу. Он поднял голову, давясь кашлем, и слюна, стекавшая с губ, была чёрной.

Стояла ночь. Но не та, тёплая, июльская. Над миром висела грязная, пульсирующая багровым тьма, как запекшаяся рана на небе. Дождь моросил не водой – с неба сочилась маслянистая плёнка, оставляя на коже ощущение сажи и лёгкого, нарастающего жжения. Он был в Кошаровке. Но это была не его Кошаровка. Это был её труп, растерзанный и переваренный Зоной до состояния навязчивого кошмара. Стены остовов домов не просто стояли – они дышали, покрытые пульсирующими прожилками биолюминесцентного мха, мерцавшего тусклым, больным зелёным светом. Знакомое поле искорёжили жутковатые, стекловидные выступы – аномалии, от которых исходил низкий, унисонный гул, входящий в резонанс с костями черепа. Воздух не просто выл – он скрипел, будто гигантские шестерни перемалывали пустоту.

В его горле снова встал тот детский ком. Но из двадцатилетнего мужчины он вырвался не криком, а хриплым, булькающим рёвом, который тут же растворилось во всепоглощающем гуле. Он не понимал, где он. Лишь кожей, нервами, спазмом в животе чувствовал, что оказался в неправильном, странном и жутком месте. Он провалился в будущее? И это будущее было концом всего, доведённым до абсолюта, до навязчивой, терзающей плоть реальности. Адом.

На Сергее та же клетчатая рубашка и поношенные джинсы, ткань которых теперь пропиталась липкой влагой и тяжело обвисла. Он сжал кулаки, и под ногти впились острые камушки и песок, мох, смешанные с чем-то мягким и живым. Ярость поднималась не волной, а как рас-

плавленная лава – тягучая, шепчущая о смерти. Ярость вора, укравшего у него всё – детство, дом, само время, саму ткань привычного мира.

Первого мутанта он встретил через два часа. Вернее, услышал: не рычание, а низкий, утробный звук, от которого кожа покрылась мурашками. Существо с кожей, похожей на потрескавшуюся глину, сквозь которую проступали синеватые прожилки, и слишком гибкий позвоночник, ломающийся при каждом шаге под неестественными углами, медленно двигалось навстречу сталкерам. От твари пахло медным купоросом и разложением. Сергей, ещё не Серый, не закричал. Мужская, хозяйская ярость, ярость того, у кого отняли сам воздух, нахлынула, вытеснив страх похолодевшей тяжестью в груди. Он вырвал из забора арматуру, покрытую шершавой ржавчиной и чем-то скользким, и, с тихим стоном, в котором заключалась вся его украденная жизнь, всадил прут в бок твари. Кость хрустнула, не как у животного, а как у насекомого, сухо и резко. Тварь не завывала – исторгла из горлового мешка звук, похожий на шипение лопнувшего пузыря с кислотой.

Он выжил. Потому что в двадцать лет тело – это машина, а ярость – лучшее горючее. Он научился бояться безнадёги позже. За десять лет в этой новой, старой Кошаровке, ставшей частью Зоны, где каждый день вызывал на бой не только с тварями, но и с самой реальностью, пытавшейся вскрыть его разум, как консервную банку. Он не искал сестру. Он искал выход. Дверь обратно в мир, где боль жила с ним простой жизнью, а страх – понятным осколком в груди. Но находил только смертельные аномалии, чьи эффекты впивались в сознание занозами, рождая навязчивые образы и звуки. Всё, что у него теперь – это клятва, данная ребёнком, и пустота на месте гильзы, холод которой он чувствовал на шее кожей, содрогавшейся от каждого неверного звука.

Зона не выжгла из него Сергея, слесаря из Харькова, выжившего после чернобыльской катастрофы. Она методично, день за днём, соскребала его абразивом чуждой физики и пси-воздействия, пока не обнажила голый нерв. Она выковала Серого. Командира. Человека, который ненавидел аномалии не как монстров, а как вора, укравшего у него саму возможность дышать без оглядки. Его холодная ярость выросла в методичную, взрослую настороженность. Это была ярость расчёта, а не истерики. Гильзу, потерянную в детстве, он найдёт гораздо позже – в апреле 2025-го, на этом же месте, уже после того, как Мерлин исчезнет в прошлом. И это замкнёт круг. Но сейчас он этого не знал. Он знал только шершавость ржавой арматуры в руке, кислый вкус страха во рту и всепроникающий гул, который никогда не прекращался.

ВСПЫШКА ОКОНЧАТЕЛЬНО ГАСНЕТ. НАСТОЯЩЕЕ. ЛОГОВО.

Боль в голених, тупая и разрывающая, вернула его в настоящее с такой силой, что кости задрожали, а в висках застучала кровь. Но в глазах нет слёз. Был абсолютный нуль. Температура, при которой любая эмоция мгновенно кристаллизуется в решение. Он встретился взглядом с Мерлином, и в этом взгляде уже не осталось вопроса из прошлого. Вспыхнул приговор. И инструкция по приведению его в исполнение.

Его рука, движимая этой холодной волей, а не отчаянием, рванулась не к автомату, а к голенищу. К шприцу с «нейрошоком». Не для себя. Для напарника. Чтобы вырвать его из петли, куда затягивал Дьяк. Как и договаривались. Любым способом.

И пока Дьяк, увлечённый процессом вплетения их душ в энергию портала, снизил давление, Серый сделал единственное, что имело смысл после десяти лет в аду. Он перестал бороться с паутиной. Он использовал её напряжение, чтобы сделать рывок. Не к свободе. К Мерлину.

Глава 3

Слом Времени

Рывок был коротким, яростным, против всех законов физики, которые ещё оставались в этом месте. Серый не побежал – его выдернуло из паутины, как пробку, с треском рвущихся

шелковидных нитей. Усики на голених, впившиеся до кости, сопротивлялись доли секунды, прочертив на бетоне кровавые борозды, прежде чем вырваться с мясом. Он не чувствовал этой боли. Вся нервная система мобилизовала силы и перешла на холодный, безошибочный расчёт.

Командир врезался в Мерлина, сбивая того с призрачного кресла. Их тела, сплетённые в падении, ударились об пол, покрытый скользкой биомассой. В глазах Мерлина плясали чёрные круги, его разум парил ещё там, в петле: ОНА УМРЁТ ИЗ-ЗА ТЕБЯ... ОНА УМРЁТ ИЗ-ЗА ТЕБЯ ОНА...

– Возвращайся! – прохрипел Серый, его голос прозвучал как выдох умирающей надежды.

Шприц с «нейрошоком» блеснул в мерцающем свете зала. Не целясь, движением, отточенным в сотнях стычек, Серый вонзил его Мерлину в шею, ниже края шлема. Боль от укола – резкая, электрическая – стала якорем в море психического смрада. Мерлин вздрогнул, его зрачки сузились, фокусируясь. Цикл треснул.

На это ушло три секунды.

Весь зал содрогнулся. Не просто физически – само пространство завизжало, как раненый зверь. Паутина, до этого жившая своим мерным, пульсирующим дыханием, вдруг стала хаотично биться, как сеть, в которую попал кит. Стеной на них обрушился не звук, а чистая, концентрированная обида. Обида вселенского масштаба, смешанная с яростью нарушенного плана.

«ЗАЧЕМ?»

Голос Дьяка врезался в мозг уже не иглой, а кувалдой. Картины в паутине поплыли быстрее, превратившись в месиво из лиц, чисел, взрывов. «Опустошенные» на стенах задёрнулись в унисон, из их открытых ртов потекли струйки пены, а затем – густая, тёмная субстанция, похожая на нефть. Она стекала по паутине, питая чёрную сферу портала, которая пульсировала теперь ритмично, болезненно.

– Подъём! – скомандовал Серый, уже откатываясь в сторону и нащупывая на поясе гранату. Его голени залиты кровью, но он стоял на ногах твёрдо, как на сваях. – Бьём по питанию! По ним!

Мерлин, откашливаясь, вскинул винтовку. Его руки дрожали от пост-эффектов нейрошока и остатков кошмара, но взгляд прояснился. Он увидел то, чего не замечал раньше: тёмные струйки, текущие от каждого «живого источника» к сфере. Энергетические артерии.

– Понял...

Они выстрелили почти одновременно. Серый – длинной очередью по группе «опустошенных» справа. Пули, попав в тела, не производили привычного хлюпающего звука. Они входили с чавкающим звуком, как в гнилое дерево. Тела не падали. Они разваливались, превращаясь в груды серого пепла и рвущихся шёлковых нитей, которые мгновенно чернели и рассыпались в прах. Струйка «нефти» из них прервалась.

Мерлин бил прицельно, короткими очередями, отсекая «артерии». Каждая прерванная связь вызывала судорожное вздрагивание сферы и новый визг пространства. Воздух густел, насыщаясь запахом озона, горелой плоти и того сладковатого мёда, который теперь пах гангреной.

«НЕТ! МОЙ ПОРЯДОК! МОЙ СПАСИТЕЛЬНЫЙ ПОРЯДОК!»

Дьяк парил в центре зала, его гибридное тело корчило в спазме. Его черты расплывались, теряя последнее подобие человеческого. Теперь он походил на огромный, бьющийся в конвульсиях нервный узел, пронизанный светящимися нитями. Паутина вокруг него натянулась, как струны, и зазвенела на разных частотах.

Звон вошёл в резонанс с костями.

Мерлин скривился от боли в висках, но продолжил стрелять. Серый, выдернув чеку, швырнул гранату Ф-1 в основание сферы. Взрыв грохнул глухо, как в воде, но черная поверхность сферы лишь вздулась пузырем и втянулась обратно, выбросив сноп искр, которые оказа-

лись... каплями расплавленного стекла. Одна капля, шипя, впилась Мерлину в плечо, прожгла комбинезон и кожу. Он застонал, кусая губу до крови.

– Не работает! – крикнул он. – Он сам – часть системы!

«ДА. Я – СИСТЕМА. И ВЫ – ВИРУСЫ. ВИРУСЫ БУДУТ ИЗОЛИРОВАННЫ».

Дьяк перестал бороться с их атакой. Он, казалось, сконцентрировался. И из паутины у пола, из стен, из самого потолка начали вытягиваться фигуры. Не мутанты. Не «опустошенные».

Тени. Плотные, сгустки тьмы, облечённые в едва уловимые формы. Одна – высокая, с плечом, перекошенным неестественным образом, и смутным пятном вместо лица. Другая – маленькая, сгорбленная, с протянутыми, слишком длинными руками. Третья...

Третья была девочкой. В платице. С двумя косичками.

Серый замер. Не от страха. От узнавания, которое ударило ниже пояса, ледяным колом в глотку.

– Люба... – прошептал он, и его автомат опустился на миллиметр.

Он помнил её такой, когда совсем был мелким. Они вместе шли на остановку, чтобы поехать к бабушке. То самое платье в красный горох и две косички.

Это не галлюцинации. Это концентраты памяти. Сгустки их собственных, самых прожитых, самых выстраданных воспоминаний, вытянутые паутиной из глубин подсознания и облечённые в псевдоплоть из тьмы и статического электричества. Они пахли – пылью после взрыва, детским потом, страхом, малиновым сиропом из прошлого.

Тень-Люба, которой внезапно стало столько, какой Серый видел её в тот роковой день, сделала шаг вперёд. Её нога не ступила на пол – она провалилась в него на несколько сантиметров, оставляя след из мерцающих искр. Она смотрела на Мерлина пустыми глазницами, в которых мерцали отражения апрельского неба 86-го.

«МИША... ПОЧЕМУ ТЫ МЕНЯ ОСТАВИЛ?»

Голос точная копия. Той самой, что стонала в сарае. В мозгу Мерлина что-то надломилось. Не болью, а бессилием. Он видел шрам на её щеке – нет, не шрам, а трещину, из которой сочился тусклый свет.

– Это не она, – сипло сказал Серый, но его собственный взгляд приковался к высокой тени с перекошенным плечом. К тени отца. Который ушёл тогда за водой. И не вернулся. – Это ловушка.

Он выругался сквозь зубы.

«СЫНОК... ГДЕ ТВОЯ ГИЛЬЗА? – проскрипела тень отца, и её голос скрипел петлями ржавой двери. – ТЫ ПОТЕРЯЛ. ТЫ ВСЁ ПОТЕРЯЛ».

Серый стиснул зубы так, что заболела челюсть. Он поднял автомат. Прицелился в пустое лицо. Палец на спуске не дрогнул. Но выстрела не последовало. Что-то внутри, глубоко и по-детски, сжалось в комок.

Тени приближались. Медленно, неотвратно. От них исходил холод, не физический, а экзистенциальный – холод забвения, холод того, что могло бы быть, но не случилось. Они были ходячими воплощениями их вины и тоски.

– Не смотри в глаза! – крикнул Серый, на этот раз себе. – Бей! Бей, чёрт возьми!

Он выстрелил. Очередь прошла тень отца насквозь. Пули вырвали клочья тьмы, но тень лишь дрогнула и продолжила движение. Ранения затягивались мгновенно, как стынет жидкий азот.

Мерлин отступил на шаг, наступив в лужу той самой «нефти». Она прилипла к ботинку с отвратительным чавкающим звуком. Тень-Люба застыла в метре от него.

– Прости, – хрипло выдохнул он. И выстрелил ей в голову.

Вспышка выстрела осветила зал. Тень взорвалась не кровью, а снопом искр и чёрных, липких хлопьев, похожих на пепел сожженных фотографий. Исчезая, она издала звук – тихий, протяжный вздох разочарования.

Но на её место уже шагали другие. Из паутины рождались новые кошмары: тень тёти Нины, кричащая беззвучным криком; тень того первого мутанта с гибким позвоночником; тень моджахеда из под Кандагара, заносщая над головой нож; тень самого Мерлина, но с пустыми, светящимися глазами Дьяка.

Их окружали. Они не могли умереть, потому что были воплощением испуганного разума.

– Энергия! – внезапно осенило Мерлина, его взгляд метнулся к чёрной сфере. Она пульсировала теперь ярче, жадно вбирая в себя тёмную субстанцию, которую источали растревоженные «опустошённые». – Он питается этим! Нашими эмоциями! Нашим страхом! Чем сильнее мы боимся, тем он сильнее!

Серый понял. Он отшвырнул пустой магазин и вщёлкнул новый. Его лицо покрывали мелкие порезы от летящей окалины.

– Значит, перестаем бояться.

– Как?! – Мерлин отбивал прикладом навалившуюся на него тень самого себя.

– По-другому! – Серый заорал, и в его голосе впервые зазвучала не холодная ярость, а отчаянная, почти истеричная решимость. – Вспоминай! Не боль! Не вину! Вспоминай... запах сирени перед сараем! Звук струн на любимой гитаре! Хруст печенья, которое мама тебе сунула в карман! Любое дерьмо, но светлое!

Это был безумный совет. Последнее оружие обречённых. Не против монстра, а против самих себя.

Мерлин зажмурился на долю секунды. Сквозь гул, сквозь боль, сквозь леденящий душу шёпот теней он прорвался туда, куда боялся посмотреть. Не к мигу, когда он убежал. К моменту до. К утру того дня. К Любе, которая, смеясь, толкала его в плечо и говорила что-то про малину, которую они потом соберут. К теплу её руки. К солнечному зайчику на стене сарая.

Он ухватился за этот образ, как утопающий за соломинку. Вцепился в него всеми силами души.

И тень-Люба, почти коснувшаяся его холодным пальцем, вдруг замедлилась. Её контуры поплыли, стали прозрачнее.

Дьяк, в центре зала, издал звук, похожий на шипение перегретого провода.

«НЕТ... ЭТО... НЕПРАВИЛЬНЫЕ ДАННЫЕ...»

Серый делал то же самое. Он отгонял образ плачущего отца, образ пустых пальцев. Он вспоминал. Вспоминал тяжесть той самой гильзы в руке, перед тем как потерять. Её прохладу. Точный рисунок синей окалины на лагуни. И момент – да, был такой момент – когда Михаил (Мерлин), улыбаясь, показал ему, как она сверкает на солнце. Не упрёк. Гордость. «Смотри, Серёжка, какая красота».

Этот крошечный, яркий осколок счастья, давно похороненный под грудой боли, он вытащил наружу, как лезвие.

Тень отца остановилась. Её перекошенное плечо выпрямилось. На мгновение в пустоте лица промелькнуло что-то узнаваемое – усталая, добрая улыбка. А потом тень рассыпалась тихим серебристым пеплом, который растворился в воздухе, не долетев до пола.

Это сработало.

Но Дьяк не сдавался. Он вложил всю свою мощь, всю накопленную энергию отчаянных душ в последний, отчаянный шаг. Чёрная сфера портала вздыбилась, из её поверхности вырвались щупальца чистой, искаженной гравитации. Они потянулись не к ним, а к самому центру зала – к Дьяку, к паутине, ко всем «опустошенным».

«ЕСЛИ НЕ ВЫ... ТОГДА ВСЕ ОНИ. ВСЕ ОНИ СТАНУТ ТОПЛИВОМ. Я СОЗДАМ НОВУЮ ДВЕРЬ БЕЗ ЯКОРЕЙ. ИЗ ПЛОТИ И СТРАДАНИЯ».

«Опустошенные» закричали. Впервые за всё время – не стонами, а пронзительным, уни-сонным визгом агонии. Их тела начало сжимать, сплющивать, втягивать в растущую, ненасыт-ную сферу. Паутина рвалась, осыпаясь хлопьями горящего перламутра.

– Он рушит систему! – закричал Мерлин. – Он использует всю энергию для прыжка! Самоуничтожается!

Серый увидел свой шанс. Единственный. Пока Дьяк сосредоточился на коллапсирующем портале, его связь с окружающей паутиной ослабла. А в этой паутине, как в нервной системе, ещё текли остатки энергии. И был центр управления.

– Прикрой! – бросил он Мерлину и рванулся не от сферы, а вдоль стены, туда, где тело Дьяка переходило в самые толстые, несущие кабели паутины.

Мерлин открыл шквальный огонь по сфере, по вырывающимся из неё щупальцам гравитации. Это было как стрелять в ураган, но это отвлекало. Пусть на секунды.

Серый добежал. Перед ним билось в последних конвульсиях ядро Дьяка – тот самый гибрид человека и идеи. Он не раздумывал. Он выхватил последнюю гранату, выдернул чеку, и, прижав её к тому месту, где у существа должно было быть сердце, навалился всем телом, обхватив его в смертельных объятиях.

«ЧТО... ТЫ ДЕЛАЕШЬ...» – голос в голове стал прерывистым, слабым.

– Возвращаю долг, – сквозь стиснутые зубы прошипел Серый. – За десять украденных лет.

Он не ждал. Он рванулся назад, оставляя гранату в сгустке паутины и плоти.

Взрыв прозвучал глухо, но вспыхнул ярким светом. Бело-жёлтое пламя на мгновение поглотило Дьяка, а затем стало быстро чернеть, всасываемое в ту же гравитационную воронку, что и всё вокруг. Но урон был нанесён. Центральный «узел» разорвался.

По всему залу прокатилась волна немого крика. Паутина вспыхнула и стала гаснуть, нить за нитью, как гирлянда с перебитым проводом. «Опустошённые», ещё живые, один за другим обрывались и падали на пол с мягкими, тупыми звуками. Их мучения прекратились.

Чёрная сфера, лишённая источника энергии и управления, начала неконтролируемо сжи-маться и расширяться. Она трещала, как лёд под ногами, из её недр вырывались вспышки света, в которых мелькали обрывки тех самых украденных воспоминаний. Воздух завыл, закручива-ясь в вихрь, который начал засасывать обломки, пепел, всё лёгкое.

– На выход! – заорал Мерлин, хватая Серого за плечо. Тот получил ожоги, из рваной раны на боку сочилась кровь, но стоял на ногах.

Они побежали, спотыкаясь о падающие тела и хлопья горячей паутины, к тому месту, где когда-то стояла дверь. Сфера сзади их с громким ХЛОПКОМ схлопнулась до размера тен-нисного мяча, а затем...

Тишина.

Абсолютная, оглушающая тишина, сменившая рёв.

И затем – мягкая, бархатная ударная волна, которая не повалила, а обняла, пройдя сквозь тело безвредно, но оставив после себя чувство глубочайшей, окончательной пустоты.

Они обернулись.

Глава 4 Рубеж

В центре зала висела, мерцающая, идеальная сфера абсолютно чёрного цвета. Размером с мяч. Она не излучала ничего. Ни света, ни звука, ни мысли. Она была дырой. Не в пространстве. В реальности. Аннигилировавшая аномалия оставила после себя шрам.

Всё вокруг неё – искажённое оборудование, остатки паутины, тела – лежало неподвижно. Ничего больше не пульсировало. Не шептало. Институт «Сатурн» умер. По-настоящему.

Мерлин и Серый молча смотрели на эту чёрную сферу. В её поверхности, как в матовом стекле, ничего не отражалось.

– Он... – начал Мерлин.

– Он стал тем, чего хотел, – перебил Серый, хрипло кашлянув. – Частью порядка. Абсолютного нуля. Ничто.

Они стояли так ещё минуту, слушая, как в ушах перестает звенеть. Потом Серый, ковыляя, направился к выходу. Мерлин последовал за ним, в последний раз оглянувшись на зал, ставший склепом для десятков душ и одной безумной идеи.

Коридоры встретили их тишиной и темнотой. Генераторы фонарей натужно выли на исходе, свет стал тусклым и зеленоватым. Они шли, не разговаривая, не ощущая боли от ран, прислушиваясь к звукам своего дыхания и далёкому, знакомому гулу Зоны, который снова просочился сквозь стены, теперь ничем не экранированный.

Только когда они выбрались на поверхность, в предрассветный воздух, который здесь все ещё обволакивал едким покрывалом, но уже обыденным, не с привкусом забродившего повидла, Серый остановился. Он прислонился к обгорелой стене, скользнул вниз и сел, запрокинув голову. Лицо его покрывала сажа, кровь и странные, блестящие на свету следы высохшей перламутровой слизи.

Мерлин опустился рядом. Рука автоматически потянулась к аптечке.

– Дай посмотреть.

Серый молча кивнул. Пока Мерлин обрабатывал ожоги и рваную рану на боку, Серый смотрел в багровеющее небо. Где-то там, за слоями радиоактивной мглы, должен вспыхнуть рассвет.

– Спасибо, – тихо проговорил Мерлин, затягивая бинт.

– За что? – голос Серого был устало-равнодушным.

– За укол. За... рывок. Без этого...

– Без этого мы стали бы частью его коллекции, – закончил Серый. Он помолчал. – Ты прав. Надо было слушать.

Мерлин фыркнул, но в этом звуке не было веселья. Только горькое облегчение.

– Редкий случай. Что теперь?

Сергей закрыл глаза. Внутри все ещё гудело, но тот ледяной ком ярости, что жил в груди десять лет, казалось, немного растаял. Осталась пустота, но уже не та, сосущая. А тихая, усталая.

– Теперь? – он открыл глаза и посмотрел на свои руки, в мозолях и свежих ссадинах. – Теперь я, наверное, найду эту чёртову гильзу.

– Ты говорил, что её потерял.

– Да. В апреле 86-го. – Серый повернул голову к Мерлину, и в его взгляде мелькнуло что-то, почти похожее на призрачную улыбку. – Но я ведь теперь знаю, где и когда её искать. Апрель 2025-го. После того, как ты исчезнешь.

Мерлин замер. Потом медленно кивнул. Круг. Петля. Предопределение. В Зоне и это было возможно.

– А ты? – спросил Серый. – Будешь её искать? Настоящую?

Мерлин долго молчал, глядя на свои руки, на шрам от капли стекла.

– Не знаю. – это было честно. – Сначала... сначала надо понять, как жить с тем, что было. С тем, что есть. Она... Люба... даже если она жива, это уже не та девушка. И я не тот Миша.

Они сидели в тишине, слушая, как далеко, на краю Зоны, завывает мутант. Или ветер в развалинах. Или одно и то же.

– Пойдём, – наконец поднялся Серый, опираясь на стену. – Здесь ещё долго будет фонить пси-осколками. До лагеря доберёмся – там разберёмся. Артефакт на рану... это поможет.

Мерлин встал, помог ему. И они пошли, два силуэта на фоне вечного, больного зарева Зоны, оставляя за спиной мертвый Институт и чёрную, безмолвную дыру в самом его сердце – памятник идее, которая хотела исправить прошлое, а уничтожила лишь себя.

Они не сразу поняли, куда шагнули. То, что осталось от Института «Сатурн», было нестабильным даже в своей смерти. Пси-ошметки, гравитационные слёзы, энергия распавшегося портала – всё это висело в воздухе мёртвым, но всё ещё заряжённым облаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.